

2004

Many Things Are Unclear. – Histology. – Actor. –
Mushrooms. – Manuscript. – Our World. – A Song
About Time. – The 1930s. – The Memory. – Wells

Victor Fet

Marshall University, fet@marshall.edu

Follow this and additional works at: http://mds.marshall.edu/bio_sciences_faculty

Part of the [Creative Writing Commons](#)

Recommended Citation

ФЕТ, Виктор. Многое неясно. – Гистология. – Актёр. – Грибы. – Манускрипт. – Наш мир. – Песенка о времени. – 30-е годы. – Память. – Уэллс. «Мосты» (Франкфурт), 2004, 1, с. 165–174. [Мnogoe neyasno. – Gistologija. – Aktёр. – Griby. – Manuscript. – Nash mir. – Pesenka o vremeni. – 30-e gody. – Pamiat'. – Uélls. (Many Things Are Unclear. – Histology. – Actor. – Mushrooms. – Manuscript. – Our World. – A Song About Time. – The 1930s. – The Memory. – Wells.) In: Mosty (The Bridges), Frankfurt, Germany, 2004, 4: 165–174.] [10 poems] (in Russian).

МОСТЫ

①

2004

МНОГОЕ НЕЯСНО

Как наших снов не помним мы ни слова,
(из пустоты сочится время снова,
перерастая в гул сплошной, единый
над россыпью домов и гаражей,
тягучею, сухою паутиной
лепясь к карнизам гнездами стрижей),
так наше время движется проворно,
над бездною стремглав летя, покорно
течению воздушного стекла;
так скачет монотонная игла
в руках швеи; так грамотой стежка
ложится жизни нужная строка.

Сплети ковер из ниток пустоты;
пусть остывает он пока, а ты
в старинной форме новый слог отлей,
дай новой жизни место в старых нотах;
в окне вагона, на иных широтах,
звук извлеки из стынущих полей
октябрьским утром, где едва видна
вибрацией клинка толедской стали
над свежим снегом чистая волна
физических полей твоей печали;
где жизнеописание пути
не прочесть и не перевести.

Вверх по спирали лестницы дворцовой
уходит век, и нарастает новый;
но мы не властны над своими снами:
вот этот текст, попавший в руки мне,
написан точно теми письменами,
которые увиделись во сне:
на свежей глине чистые следы
разлившейся рекой еще не смыты;

в кусках гранита отблески слюды;
песчаника осадочные плиты
с включениями листьев и костей -
страницы прошлых свежих новостей.

Слов не хватает в русском языке,
исчерпаны молитвы и поэты,
и ненадежны томы словаря.
Блеснит порою что-то на песке
случайною частицей янтаря
у самого прибоя мутной Леты;
желанное, мелькнет из-под волны
то самое, приснившееся, слово -
но скроется, и не найти иного;
глаза слезятся, строчки не видны;
исчеркана бумага после сна,
слипаются чужие имена.

ГИСТОЛОГИЯ

Мы загнали наши клетки
В книг бесчисленных тома;
Эти книги и заметки
Суть иллюзия ума.
Мы следим за ходом сечи
С олимпийской высоты,
Ищем жадно в чуждой речи
Непонятные черты.
Там бесцветною стеною
Без начала и конца
Дышат бездною двойною
Стены скользкого дворца.
Темный мир, немой, слоистый,
Мир безмолвный и слепой
Предстает то бурей льдистой,
То пучиною игристой,
То бескрайнею толпой.
Клетки мелки, клетки слепы,
Их движения нелепы,
То белесы, то размыты,
Словно бесы и москиты.

Луч преломлен через грани,
Ткани стелются на ткани,
Вязкий сок бежит из ран
Перемешанных мембран.

Все творения природы
Предстают на суд богам;
Так и нам бежать сквозь годы
К неизвестным берегам;
Так и нам нести свои
Грузы слов и дум слои,
Дар ума, эмоций груды,
Искру гения в горсти
Через хрупкие сосуды
До скончания пути.
Мы застрянем в нашей нише
Под лучом, упавшим свыше.
Будем плавать в жидкой мгле
Под стеклом и на стекле.

АКТЕР

В. С.

Я сыграю дьявола и Бога,
Натяну орфееву струну,
В строки удалого монолога
Я себя, как в тогу, заверну.

Мне послушны будут звери дики,
Звезды ночи и события дня;
На меня привычно лягут блики
Старого и верного огня.

И в который раз настанет это:
Вспыхнет мозг, не помня ничего;
Завесь ослепительного света
Смоет стены зала моего.

Из волны, из серебристой пены,
Соберусь на дальнем берегу,
Окажусь в пространстве новой сцены,
На ее вертящемся кругу.

ГРИБЫ

Мы называемся грибы:
Не господа и не рабы,
Но накопители итогов
И созидатели богов
Во тьме глаголов и предлогов,
Среди неясных берегов.
Таим набор галлюцинаций
И чувств химических улов,
Осколки фраз, осадки слов
Былых племен и новых наций.
Своею химией вскормив
Иные падежи и слоги,
Мы воплощаем древний миф
О том, как вас создали боги.
Мы - только оттиски явлений,
Мгновений ночи или дня,
Мы - новых род местоимений
И новой истины родня.

Весь мир охвачен в наши сети,
Их не сорвать, не обойти.
Когда-то в прошлом, на рассвете,
У мира было три пути.
Одна – от солнечного бога –
Прямая к истине дорога;
На том пути душа листа
И чужестранна, и чиста.
Там луч эфирный, эфемерный
И сочетания светил
Направят разум лучших сил
На рост невидимый, но верный.

Тропа вторая – путь земной,
Путь мышц и жил, путь хищной плоти,
И крыльев кожистых в полете,
И жабр под коркой ледяной;
Путь сердца, печени и глаз –
Тяжелый путь! Он выбрал вас.
Вам мысль близка, и боль ясна.

А мы, в глуби тысячелетий,
Из трех путей избрали третий:
Нам освещает путь луна.
Нам дела нет до тьмы и света,
Ни душ, ни тел не помним мы,
Взойдем на теплой почве лета,
Исчезнем пылью до зимы.
Но вовсе нам пропасть нельзя –
В нас смысл и средство всякой связи;
Так в жизни сбивчивом рассказе
Ведет нас лунная стезя.
Как красоты былой осколок,
Нас соберет земной миколог;
Изучит потайные сны
Земли, и солнца, и луны.

МАНУСКРИПТ

Предисловие

Сей манускрипт (написанный не мной,
Но содержащий много близких мнений),
Описывает полный Круг Земной
На нашем языке (до изменений).
Переплетен в обложку коленкора,
Написан явно до Большой Зимы,
Но обнаружен после и нескоро.
В нем речь о многом, что забыли мы.

Когда наш новый Лидер-Рулевой
Открыл источник силы нулевой,
Власть перепала в руки технократа,
Разверзлась бездна, брат пошел на брата,
Огонь сгорел, замлрзла вся вода,
Библиотеки сгнили без следа,
Кто был ничем, не бог весть чем и стал.
Наш вид утратил свой потенциал,
Но есть тепло, продукты и зарплата.

Мы в наши дни привыкли к дозе риска,
Не доверяя небу и земле.
Текст в коленкоре на моем столе
Уйдет в бороздки лазерного диска.

Пусть наши дни размеренны и сытны,
Но где-то в генах теплятся мечты.
Нам могут быть отчасти любопытны
Времля ушедших странненькие черты.
Однако, я от общих рук и глаз
Для избранных укрою сей рассказ
О версиях миров и о судьбе утопий:
Пусть существует только в паре копий.

1.

«...в аморфном мире, меж существ немых,
за томом том снимая с нужной полки,
мы ищем правил и находим их,
как древних амфор острые осколки
среди овальной гальки берегов.
На них – картинки жития богов,
что были почитаемы не нами,
а прежними, иными племенами.

Что толку от законов прежних дней?
Нам имена богов уже не святы.
Дана Земля. И человек на ней
старается опять заполнить даты,
названия возникших городов,
продукты бесконечных каталогов,
смесь в языках глаголов и предлогов
и цепь в снегу отысканных следов.
Так пролетают месяцы и годы:
нам некуда деваться от природы.

Нам объяснили про структуру сил.
Нам рассказали: те, кто был у власти,
разъяли мир действительный на части,
чтобы он стал иным, чем раньше был.
Действительность сомкнулась с тканью сна.
Мы стали первым среди поколений,
где власть над миром чувственных явлений
была на деле осуществлена.
Впервые в этом мире имена,
в крошечной тьме летая над водой,
слились в одно с объектом и средой.»

2.

«...не вдруг возникли эти перемены
(сперва еще не ясные пока).
Мы научились штопать наши гены
на западном краю материка.
Мы вывели волшебные цветы,
нашли источник жизни в океане,
прочли все клетки, органы и ткани,
узнали комплекс правил пустоты,
состав кометы и метеорита;
открыли тайный ритм зимы и лета,
и быстро обогнали скорость света.

С тех пор, как сущность времени открыта,
для нас физической преграды нет.
Спокойно на страницах каталога
отыскиваем демона и бога
для каждой из расчисленных планет.
В размеченных квадратах карты сна
обозначая землю или море,
мы напрочь отменили имена,
возникшие в естественном отборе;
случайности мы в мир закрыли двери,
и всем по их слепой воздалось вере.»

.....

НАШ МИР

Что толку в нашей молодежи
С татуировкой на крестце?
Но им и мир достался тоже –
В сибирской язве и в свинце –
Из наших рук. Пуста квартира,
И нет у нас другого мира.

ПЕСЕНКА О ВРЕМЕНИ

*А снега на черных папнях
Не растают никогда.*

О. Мандельштам

Видел Блок фонарь, аптеку
Через времени поток.
Мы ступили в эту реку;
Что нам время? что нам Блок?

Это остров, как-никак;
Водрузи британский флаг.
Отпечатки у воды –
Это Пятницы следы.

Откровений Робинзона
На плече мохнатый зонт.
Ограниченная зона
Порождает горизонт.

Эта версия жива,
В ней живут мои слова.
Тускло светится блесна,
Мутно плещут струи сна.

Это донных отложений
Многолетние слои
Наши помыслы движений
Отражают, как свои,

И играют в медных трубах
Наши пламя и вода,
Значит, время в строчках грубых
Не постигнуть никогда.

30-е ГОДЫ

Л. Лосеву

Сжатый воздух российского лета
На границе железа и света,
А вначале была тишина.
Мерно плещут молчания строки,
Солнце всходит на дальнем востоке,
А за ним вырастает стена.
Над романсом, кустами сирени
Опускаются летние тени,
Дачный профиль, шуршанье хвои;
Пожелаем вам новых успехов,
Жаль, что умерли Гоголь и Чехов.
Остальные – живые – свои
Рукописные прячут рецепты,
Где я почерк родной узнаю.
Ведь минуты по-гречески "лепты",
Так прими же минуту мою
В неучтенные эти регистры,
Как привет от далекой сестры
Под некрепкими крышами Истры,
Где бумажные палят костры.

ПАМЯТЬ

Гале

Откладывая рукопись мою,
о Дарвине, о снах и о Декарте
поговорить; страну найти на карте,
где света нет, у света на краю -
где это место? Атлас мира краток,
в нем нету ни ущелий, ни палаток,
ни осыпей, ни утра у ручья;
для этой цели память есть моя,
как гравировка на цветном металле.

О судьбах мира, о вещей начале
и о происхождении ума -
что лазать в Интернета закрома,
когда рука кладет на подоконник

воспоминаний распечатку сна
на старомодном принтере: она
чудна теперь, как свиток древних хроник.
Но трудно сфокусировать глаза
на тексте. Дым костра их ест.
Чуть вспыхнув, догорает старый текст.
На небе собирается гроза.

УЭЛЛС

На мертвый мир свалившись с вышины,
Подпрыгивает шар из кейворита
И с хрустом давит жителей Луны:
Бледна их муравьиная элита!

Тобою тема вечная открыта
Междупланетной, мировой войны;
Ты описал и вставил в наши сны
И марсианина, и селенита.

Но, забредя в Россию издалека,
Ты не увидел главного морлока:
Твой взгляд не различал их на Земле.

Вождь светится Лунарием во мгле,
И вспыхивают в ходе разговора
Глаза гиены. Бедный доктор Моро!